

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213>

К вопросу об отличительных особенностях режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина

© В.Г. Хандорин

Московский государственный институт культуры, г. Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена обзору и анализу отличительных особенностей главнейших антибольшевистских военно-политических режимов периода Гражданской войны в России – адмирала А.В. Колчака на Востоке России и генерала А.И. Деникина на Юге России. Подчеркивается, что редкая тема порождает столько небылиц в общественном сознании, как история Белого движения. В статье проанализированы мифы о политической ориентации, о национальной и внешней политике, о стремлении реставрировать монархию и «старые порядки». Современные успехи научного осмысления обусловлены расширением источниковой базы, уходом от идеологической предвзятости, совершенствованием методологии и методов. Белое движение имело общие цели в рамках всей России, демонстрировало морально-политическое единство. Однако прояснение региональных различий важно для характеристики своеобразия режимов и их армий. Последовательно приведены сравнительные характеристики социально-экономического законодательства, организационной деятельности в армиях и тылах, мобилизационных усилий, реакции на автономистские устремления. Например, Колчак хотя и формировал законодательство с «прицелом» на всю страну, но в выборе решений был свободнее Деникина, на которого давило помещичье «лобби». Социальная среда на Востоке была более социально однородной и более благоприятной для белых. Колчак серьезно и прагматично относился к вопросам организации тыла и проведения мобилизации. Напротив их разрешение у Деникина было намного слабее, что по мнению автора, связано с личными взглядами этого лидера. По оценкам большевиков, в Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом. «Белая идея» и сегодня остается одной из альтернатив для страны через сочетание идей общечеловеческого прогресса и уважения национальных традиций. Автор делает выводы, что различия, обусловленные региональными особенностями и личностным фактором, имели существенное значение в процессе Гражданской войны и требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, А.В. Колчак, А.И. Деникин, военно-политические режимы, региональные особенности, квалификация, стратегия, оценки, исторические мифы

Для цитирования: Хандорин В.Г. К вопросу об отличительных особенностях режимов А.В. Колчака и А.И. Деникина // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 204–213. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213>

To the issue of distinctive features of regimes of A.V. Kolchak and A.I. Denikin

© Vladimir G. Khandorin

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to a review and analysis of the distinctive features of the most important anti-Bolshevik military-political regimes of the Civil War in Russia – ones of Admiral A.V. Kolchak in the East of Russia and General A.I. Denikin in the South of Russia. It is emphasized that a rare topic has generated so many fables in the public consciousness as the history of the White movement. The article analyzes myths about political orientation, national and foreign policy, and the desire to restore the monarchy and the “old order”. Modern advances in scientific understanding are due to the expansion of the source base, moving away from ideological bias, and improving research methodology and methods. The discussions have become more substantive and have acquired factual and logical content. The overall program of the White movement was generally unified, which was a common goal throughout Russia, and its moral and political unity. Regional differences were of a private and secondary nature, but their clarification is important to characterize the uniqueness of each of the regimes and their armies. Comparative characteristics of socio-economic legislation, organizational activities in the armies and rear, mobilization

efforts, and reactions to autonomist aspirations are consistently presented. For example, although Kolchak formed legislation with an “eye” on the whole country, he was much freer in choosing decisions than Denikin, who was pressured by the landowner “lobby”. The social environment in the East was more socially homogeneous and more favorable to Whites. The organization of the rear under Denikin was much weaker than under Kolchak, Kolchak was serious and pragmatic about the organization of the rear and the mobilization. On the contrary, Denikin's resolution was much weaker, which, according to the author, is due to the personal views of this leader. According to the Bolsheviks, in Siberia, the counter-revolution developed into a well-organized state with a large army and a powerful ramified state apparatus. The “White idea” is still one of the alternatives for the country today – of course, not in the details that have changed over a hundred years, but in the main content – combining the ideas of universal progress and modernization with respect for national traditions, characteristics and mentality. The author of the article concludes that common features prevailed between them, but nonetheless differences due to regional characteristics and personality factor were significant in the process of Civil War and require additional study.

Keywords: Civil war, White movement, A.V. Kolchak, A.I. Denikin, military-political regimes, regional characteristics, qualifications, strategy, assessments, historical myths

For citation: Khandorin V.G. (2020) To the issue of distinctive features of regimes of A.V. Kolchak and A.I. Denikin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 204–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213>

Белое движение, в наиболее активной своей фазе продолжавшееся весьма недолгое время (период Гражданской войны, не считая эмиграции), тем не менее оставило в истории России глубокий и яркий след. Это одна из тех тем, которые до сих пор вызывают ожесточенные споры как историков, так и в обществе.

Редкая тема породила столько мифов и небылиц в общественном сознании, как история Белого движения. Один из главных связан с его политической ориентацией. В советское время, когда российскую монархию оценивали как «реакционную», было принято считать белых сплошь монархистами. И наоборот, в современную эпоху, когда среди значительной части общества возросли симпатии к монархии, среди последователей коммунистов стало модным изображать белых «либералами-западниками», «февралистами» (название от событий Февраля 1917 г.), отождествлять их с Временным правительством, что еще менее соответствует исторической правде. Последнее связано с «конспирологической» версией о событиях Февраля 1917 г. как «либерально-масонском заговоре буржуазных политиков и изменивших присяге генералов» (учитывая то, что среди представителей высшего генералитета, убедивших Николая II отречься от престола, был один из будущих основоположников Белого движения генерал М.В. Алексеев), хотя ранее предшественники сторонников

этой версии считали Февральские события народно-демократической революцией. Смысл этой версии в том, что будущие лидеры белых якобы заодно с либеральными заговорщиками предали и свергли царя, после чего все «развалили» и поставили страну на грань катастрофы, а большевики в Октябре «спасли» Россию и в дальнейшем «собрали» ее вновь.

Очевидная нелепость этой бездоказательной версии состоит, во-первых, в том, что Февральские события начались внезапно, застав врасплох все политические партии, и развивались стихийно, и это было вполне очевидным для всех современников. Часть либералов во главе с лидером октябристов А.И. Гучковым действительно вынашивала до этого планы заговора и дворцового переворота, но события опередили их, да и сами эти планы больше были досужими интеллигентскими разговорами. Во-вторых, эти планы разделяли далеко не все либералы, многие из них (включая лидера кадетов П.Н. Милюкова) считали планы переворота во время войны опасной авантюрой большевизму (Хандорин, 2019а. С. 8). Что же касается генералов, то единственным из них, кто разделял планы заговорщиков, был занимавший скромную должность командира дивизии А.М. Крымов. Реакция генералитета на события была чисто ситуативной: после победы революции в Петрограде было очевидным, что подавить ее (учитывая 2-миллионное население

ние мятежной столицы и 170-тысячный взбунтовавшийся вооруженный гарнизон запасных солдат) можно, лишь сняв с фронта очень крупные массы войск, что грозило прорывом немцев и поражением в войне; к тому же оставалась опасность и Гражданской войны в тылу. Кроме того, главнокомандующие фронтами, убедившие императора Николая II отречься от престола, отнюдь не отказывали ему в повиновении (а следовательно, не «изменяли присяге») – он сам обратился к ним за советом, и они честно высказали ему свое мнение, на что имели полное право, тем более что оставалась надежда сохранить монархию путем передачи престола другому лицу. Вот как в действительности происходили события. Но сейчас иные договариваются до того, что Февральский переворот произошёл «на деньги англичан», якобы желавших тем самым ослабить Россию и лишиться ее плодов будущей победы в Первой мировой войне, хотя на деле в то время исход войны еще далеко не был ясен, и для Англии лишиться такого ценного союзника, как Россия, означало бы осложнить собственное положение и нести дополнительные затраты и жертвы (равно как нелепо представить себе, чтобы тот же Черчилль задумал переворот в СССР где-нибудь в конце 1943 г.). Наконец, отождествлять белых с Временным правительством нелепо хотя бы потому, что Белое движение как движение за сохранение российской государственности стало зарождаться именно при Временном правительстве и впервые проявило себя в форме Корниловского выступления, а глава этого правительства А.Ф. Керенский вызывал впоследствии всеобщую ненависть среди белых как в годы Гражданской войны, так и в эмиграции. И помимо этого, не имеет ничего общего с действительностью и распространенная легенда о том, будто Белое движение вообще не имело никакой связной программы и объединялось лишь противостоянием большевизму (Хандорин, 2019а. С. 9).

Другой распространенный миф связан с национальной и внешней политикой белых. До сих пор муссируется изобретенная советской пропагандой версия о том, что белые якобы были «марионетками иностранного капитала» держав Ан-

танты и чуть ли не «распродавали» Россию, хотя дело обстояло с точностью до наоборот – это их противники большевики отдали Германии огромные территории по Брестскому миру и провозгласили право наций на «самоопределение», тогда как белые не желали поступиться ни пядью территории Российской империи (за исключением Польши). С этим тесно связан и миф об «интервенции 14 держав», от которых якобы «героически» отбивалась молодая Советская республика и всех победила. В реальности иностранные державы вообще не вели военных действий против Советской России. Более того, Красная армия всю войну превосходила разрозненные белые армии не только численно, но и по вооружению, несмотря на то что белым поставляла оружие Антанта, и объяснялось это тем, что после Октября большевикам достались огромные запасы оружия с военных складов и arsenалов старой русской армии, прекратившей свое существование. В ранние годы советской власти этот факт вполне признавался, но уже в сталинский период был создан миф о том, что полуголодная и полураздетая Красная армия победила «вооруженные до зубов полчища белогвардейцев и интервентов».

Расхожий советский миф о том, будто белые стремились уничтожить все завоевания революции и «реставрировать» старые порядки в отношении положения народных масс, также является мистификацией. Идеологи и лидеры Белого движения стремились извлечь уроки из опыта революции и понимали, что восстановить в полном объеме дореволюционные порядки невозможно, а поэтому разрабатывали и проводили политику социального компромисса.

Справедливости ради отметим, что практически все перечисленные фантастические версии в настоящее время сохранили хождение лишь в обывательской среде и политико-пропагандистской публицистике. Профессиональные историки, независимо от своих политических симпатий и исторических взглядов, признают их антинаучными и дискутируют между собой о более серьезных вопросах: деталях программы и политики Белого движения, соотношении красного и бе-

лого террора, состоянии экономики в тылу белых и т. д.

Успехи научного осмысления обусловлены расширением источниковой базы (Волков, 1999; Ганин, 2019), уходом от идеологической предвзятости, совершенствованием исследовательской методологии и методов (Пученков, 2016; Хандорин, 2017). Дискуссии стали более предметными, приобрели фактологическую и логическую содержательность (Хандорин, 2019b).

Проведем анализ отличительных особенностей антибольшевистских военно-политических режимов. Главными очагами Белого движения в годы Гражданской войны были Восток России под предводительством адмирала А.В. Колчака и Юг России, на котором установилась власть генерала А.И. Деникина. В периоды их наибольших военных успехов власть Колчака весной 1919 г. простиралась на всю Сибирь, Урал, Дальний Восток и часть Туркестана; власть Деникина осенью 1919 г. охватывала Северный Кавказ, Крым, Новороссию, почти всю Украину, Дон, часть Поволжья и центрально-чернозёмные губернии России; численность их армий измерялась сотнями тысяч солдат, казаков и офицеров. По масштабам это несопоставимо с остальными белыми формированиями (Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера, П.Н. Краснова и др.), в разное время игравшими локальную роль в различных регионах обширной страны. Поэтому для историка наиболее интересно выделить отличительные особенности именно этих двух главнейших очагов Белого дела. Первые размышления над этой проблемой принадлежали самим участникам (Головин, 1937; Пучков Ф. Забытый фронт// Русская Жизнь, 25 ноября 1950 г.)

Общая социально-экономическая, политическая и национальная программа Белого движения была в целом единой и достаточно широко известна. Её единство обуславливалось и общими целями Белого движения в рамках всей России, и его морально-политическим единством, когда в разгар Белой борьбы все предводители белых армий и регионов признали верховную власть адмирала А.В. Колчака в качестве Верховного правителя России. Тем не менее региональные различия давали

о себе знать, особенно в условиях территориальной оторванности основных белых армий друг от друга. Они носили частный и второстепенный характер, но тем не менее их прояснение (равно как и причины, их вызвавшие) чрезвычайно любопытно в смысле характеристики оттенков и своеобразия каждого из основных белогвардейских режимов и их армий.

Начнём с социально-экономического законодательства. На Востоке у А.В. Колчака оно было существенно либеральнее, чем на Юге у А.И. Деникина. При Колчаке были практически сразу же отменены государственные товарные монополии, за исключением вино-водочной и сахарной, и восстановлена полная свобода торговли (Правительственный вестник. Омск. 1918. 14 декабря)¹ (а в дальнейшем – и свободная купля-продажа земли)². При Деникине это произошло лишь в июле 1919 г. (Шацилло, 2008, С. 321–322). Кроме того, законодательство Колчака предоставляло крестьянам право сбора урожая с захваченных помещичьих земель целиком в свою пользу (временно, вплоть до окончательного решения земельного вопроса, предполагавшегося после войны) (Правительственный вестник. Омск. 1919. 10 апреля). При Деникине же треть урожая по закону изымалась в пользу бывших владельцев (крестьяне прозвали это «указом о третьем снопе») (Цветков, 1997 С. 144–148).

Во многом это объяснялось различной социально-политической обстановкой на Юге и на Востоке. На Востоке практически отсутствовало помещичье землевладение, которое, наоборот, господствовало на Юге. Поэтому Колчак хотя и формировал своё законодательство с «прицелом» на всю страну, но в выборе своих решений был значительно свободнее Деникина, на которого сильное давление оказывало помещичье «лобби». Понимая

¹ Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака: сборник документов / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелёв. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2002–2003. Вып. 1. С. 42.

² Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Расторгуев: Московский пед. гос. ун-т. М., 1996. С. 10.

это, адмирал писал генералу: «Ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов» (Деникин, 1921–1926. Т. 4. С. 223–224). Сама социальная среда на Востоке была более социально однородной и более благоприятной для белых: крестьянство и казачество – гораздо более зажиточными, чем в Европейской России (к тому же крестьяне здесь не боялись возврата помещиков); рабочий класс, составлявший основную опору советской власти, – сравнительно более малочисленным, в основном – на Урале, где в силу своей специфики (высокие зарплаты на военных заводах и фактическое положение «рабочей аристократии», а также тесная связь с деревней) рабочие сами восстали против власти большевиков с её подразвёрсткой и уравниловкой и в дальнейшем составили ядро Ижевской и Воткинской добровольческих дивизий в армии Колчака, отличавшихся исключительно высокими боевыми качествами; дворянство – наиболее консервативный слой общества – был крайне малочислен, помещики отсутствовали вовсе. Просоветскими настроениями отличались лишь столыпинские переселенцы в деревне (крестьяне-«новосёлы», завидовавшие более зажиточным коренным крестьянам-«старожилам») и немногочисленные железнодорожные рабочие (последние – как и по всей стране). Сказывалось и то, что правительство А.В. Колчака наследовало демократической Директории и её предшественникам, и хотя и пришло к власти в результате переворота, но общая политическая палитра на Востоке была существенно демократичнее, чем на Юге: в правительстве Колчака преобладали кадеты, в союзе с которыми находились наиболее правые представители социалистических кругов (основная часть которых – эсеры и меньшевики – находились в оппозиции режиму, как и при власти А.И. Деникина).

Власть же Деникина изначально формировалась на базе авторитарных военных традиций Добровольческой армии, и в его правительстве («Особом совещании») примерно поровну были представлены как кадеты (причём занимавшие здесь более правые позиции, чем на Востоке), так и пра-

вые круги (практически отсутствовавшие у Колчака). Сама социальная среда на территориях, занятых А.И. Деникиным, была гораздо более сложной и разнородной, от «сливок» консервативно настроенного дворянства до враждебно настроенных к нему крестьян на бывших помещичьих землях, к тому же испытывавших, в отличие от сибирских крестьян, острый дефицит земли, и просоветски настроенных рабочих Донбасса и Причерноморья; среди населения же Украины были достаточно распространены националистические, «самостийные» настроения, что приводило к военным столкновениям деникинской армии с украинскими националистами-петлюровцами. На фоне всего этого социально-политические противоречия на Юге были острее, чем на Востоке, а власть белых менее устойчивой.

В организационном отношении режимы А.В. Колчака и А.И. Деникина также имели свою специфику. С одной стороны, Деникин имел более сильную в кадровом отношении армию, и, прежде всего, это касается её ядра – прославленной Добровольческой армии. Это объяснялось тем, что большая часть офицерства, как и политической элиты старой России, оказалась в Гражданскую войну на Юге. Отсюда избыток кадрового офицерства, особенно в легендарных «цветных» дивизиях, составивших главную ударную силу белых на Юге – Корниловской, Марковской и Дроздовской, отличавшихся высочайшими боевыми качествами (краткая характеристика Добровольческой армии красной разведкой гласила: «Очень сильный командный кадр. Настроение исключительно контрреволюционное» (Какурин, 1990. Т. 1. С. 151). Именно этой высокой боеспособностью своего ударного ядра А.И. Деникин был обязан тем, что на протяжении полутора лет, с июня 1918 по октябрь 1919 г. (за исключением небольшого промежутка в апреле – июле 1919 г.) неизменно одерживал победы над красными численно меньшими силами.

Напротив, армия А.В. Колчака испытывала существенный кадровый дефицит офицеров. Некомплект офицеров достигал 10 тыс. чел. (на всю 350-тыс. армию насчитывалось 18 тыс. офицеров, из них кадровых, т.е. окончивших военные учили-

ща до Первой мировой войны, – всего 1 тыс.). Поэтому победы и поражения на Восточном фронте чередовались в основном в зависимости от численного соотношения сил белых и красных. Сам А.В. Колчак, блестящий флотоводец и учёный, в отличие от А.И. Деникина (которого сам А.А. Брусилов в своих мемуарах аттестовал как «отличного боевого генерала» (Брусилов, 1983)) не разбирался в военно-сухопутном деле и был вынужден в этом отношении опираться на свой штаб, в наиболее ответственное время находившийся под руководством некомпетентного Д.А. Лебедева (до его замены М.К. Дитерихсом). Кроме того, население Сибири, при всей своей относительной зажиточности, не успело по-настоящему испытать на себе тягот советской власти с её продразвёрсткой и террором (Гинс, 2008, С. 27, 51) (падение советской власти в этом регионе было ускорено восстанием чехов), а потому плохо понимало цели войны с большевиками. Поэтому в критические месяцы крушения фронта сибиряки (в отличие от волжан и уральцев, успевших вкушать сполна большевистского ига) раньше других разложились и положили начало массовому дезертирству, вследствие чего Восточный фронт Колчака рухнул и рассыпался быстрее, чем Вооружённые силы Юга России, до конца своей эпопеи (в ноябре 1920 г. при П.Н. Врангеле) сохранившие единое ядро и боеспособность.

Но, при всех замечательных качествах деникинской армии, организация тыла при Деникине была, наоборот, намного слабее, чем при Колчаке. И здесь причиной были почти исключительно обстоятельства субъективного характера, связанные с личными взглядами А.И. Деникина. Во-первых, он, как профессиональный военный, крайне недооценивал роль тыла и по существу не занимался им, почему степень развала тыла и масштабы злоупотреблений при нём были значительно больше, чем при Колчаке, и в первую очередь при Колчаке были лучше организованы хозяйственная жизнь и транспорт. Это признавали делегаты Национального центра, приехавшие летом 1919 г. с деникинского Юга в Сибирь (Сибирская жизнь. Томск. 1919. 22 июня; 5 августа). Во-вторых, лично Деникин, несмотря на своё относительно правое окружение,

был одержим чрезмерными либеральными комплексами и избегал брать на службу профессионалов дореволюционной гражданской администрации, полиции и жандармерии (Деникин, 1989. С. 38) (за исключением чинов судебного ведомства, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в обществе ввиду демократической организации судопроизводства в России со времён реформы 1864 г.). Наиболее отрицательные последствия это имело в отношении спецслужб, в обстановке массовых злоупотреблений и большевистского подполья оказавшихся практически беспомощными. В военную контрразведку и государственную стражу (совмещавшую функции уголовной и политической полиции, что само по себе было неразумно и непрофессионально) при Деникине стекались худшие представители армейского офицерства, стремившиеся избежать фронта. Вследствие чего данные органы, вместо того чтобы служить опорой правопорядка, сами превратились в очаги злоупотреблений и организованного грабежа, что позднее с горечью признавал сам А.И. Деникин в своих воспоминаниях (Деникин, 1989. С. 37–38). Устранением этих недостатков на Юге занялся П.Н. Врангель, сменивший Деникина на его посту в апреле 1920 г., но было уже поздно.

И напротив, А.В. Колчак относился к вопросам организации тыла более серьёзно и прагматично. О его понимании значения тыла в Гражданской войне говорят его высказывания: «Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства», – говорил он в своём выступлении на Государственном экономическом совещании (Сибирская жизнь. Томск. 1919. 24 июня). А британскому военному министру У. Черчиллю он писал в телеграмме от 16 сентября 1919 г.: «Трудная и важнейшая, по моему убеждению, задача – создать такие условия жизни в освобождённых уже частях России, которые удовлетворили бы острые экономические нужды населения и дали ему облегчение в переживаемых испытаниях» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Л. 61–61 об.). Также он, в отличие от Деникина, не «брезговал» брать

на службу профессионалов «царской» гражданской администрации, полиции и жандармерии, а также возродил профессиональную политическую полицию под названием «государственная охрана». Военную контрразведку и госохрану возглавляли при нём жандармские офицеры высокого ранга, соответственно полковник Н.П. Злобин и генерал В.А. Бабушкин. Руководителями основных армейских и региональных подразделений спецслужб также были в подавляющем большинстве профессиональные «царские» жандармы в чинах от ротмистра до генерал-майора с большим опытом работы (Кирмель, Хандорин, 2015. С. 110–117, 282–283). Это дало свои результаты: в апреле 1919 г. центральные ячейки большевистского подполья в Сибири и на Урале были полностью разгромлены в результате блестящей совместной спецоперации колчаковской контрразведки и госохраны (Кирмель, Хандорин, 2015. С. 160–161). Профессиональные качества последней высоко оценивали сами советские чекисты, называя её «одним из [наи]лучше поставленных контрреволюционных учреждений» (ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 1). Высокого уровня достигла также военная разведка при Колчаке, особенно в организации железнодорожных диверсий в тылу красных и в радиоиграх. Её работу советские чекисты в своих отчётах аттестовали как «превосходную», а её руководителей – как «людей, одарённых большими организаторскими способностями и талантами» (Греков, 1999. С. 43). Всё это позволило известному соратнику В.И. Ленина, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову докладывать своему патрону, что «в Сибири контрреволюция сложилась в правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом»³.

Узость взглядов А.И. Деникина отчасти сказались даже в военных вопросах. Всецело погружённый в планирование военных операций, он не уделял должного внимания комплектованию штатов армии, мобилизационный аппарат которой (за исключением донских и кубанских казаков, у которых

он сохранялся с дореволюционного времени) так и не был до конца сформирован. Отчасти это объяснялось слишком быстрым ростом территории, занятой его армиями, летом и осенью 1919 г., а затем ещё более резким её сужением в конце 1919 – начале 1920 г., но отчасти и невниманием Деникина к этим вопросам (во всяком случае, переход к мобилизационной системе начался ещё осенью 1918 г., так что время было).

Напротив, при Колчаке мобилизационный аппарат был сформирован и раньше, и более полноценно, что объяснялось как большей стабильностью фронта и территории, так и личным вниманием Верховного правителя⁴. Образцово проведённая весенняя мобилизация 1919 года позволила довести численность призванных до 800 тыс. чел. (Филатьев, 1985), но половину оказалось нечем вооружать и их пришлось распустить по домам (но здесь уже вопросы к военному снабжению белых союзными державами Антанты, от которых они в отношении вооружения зависели). Но цифры говорят за себя: на огромной, но малонаселённой территории Колчака, насчитывавшей 20 млн чел., в пик его военных побед в апреле 1919 г. армия достигала численности 350 тыс. чел. (Симонов, 2001; Симонов, 2009), а на меньшей по площади, но гораздо более густонаселённой территории Деникина с населением 42 млн чел. (вдвое больше), в апогее его побед в октябре 1919 г. армия насчитывала всего 150 тыс. чел. (более чем вдвое меньше). И в этом несомненная доля вины самого А.И. Деникина.

Организация власти на Юге осложнялась также сильными автономистскими (а на Кубани – и сепаратистскими) настроениями донского и кубанского казачества. Что касается открытого сепаратизма, принёсшего огромный вред власти Деникина, то он хоть и с запозданием, но был подавлен в октябре 1919 г., когда был повешен один из лидеров сепаратистов Калабухов и отдан приказ о розыске и аресте остальных (Деникин, 1989. С. 133–137). Но даже сама автономность Донского и Ку-

³ Сибирская Вандея: сборник документов / под ред. В.И. Шишкина. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. Т. 1. С. 613.

⁴ Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. / Р.Г. Гагкуев. М.: Ин-т истории РАН, 2013. 1241 с.

банского войск была настолько сильной, что они подчинялись Деникину как главнокомандующему лишь в военно-оперативном отношении; в отношении же внутреннего самоуправления они независимо управлялись своими выборными атаманами. В тылу Колчака подобного не было: менее многочисленные казачьи войска Урала и Сибири (Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское и др.) хотя и выбирали войсковых атаманов, но подчинялись Верховному правителю не только в военном, но и в гражданском отношениях (первое время исключение составлял забайкальский атаман Г.М. Семёнов, вообще отказавшийся признавать власть Колчака, но после урегулирования конфликта между ними с помощью японских союзников в мае 1919 г. подчинился и оправдывал своё прежнее поведение результатом «недоразумения») (ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 165. Л. 72). Разница в положении казачьих войск при Колчаке и при Деникине дала о себе знать и в организации высших органов управления: так, на Востоке новых сенаторов назначал единолично Верховный правитель (Колчак), а на Юге – в соотношении 1:1 («пополам») главнокомандующий (Деникин) и атаман Войска Донского (А.П. Богаевский), чем особо подчёркивалась роль донского казачества (Цветков, 2008–2009. Т. 2. С. 90).

Как видим, при всей внешней однотипности военно-политического устройства и социально-

политической программы Белого движения, между его основными очагами существовали и немало-важные, хотя и частные различия, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами. На них мало обращалось внимания историками, и они несомненно требуют углублённого дополнительного изучения.

Историческое значение Белого движения, разумеется, совсем не в том, что оно породило обильную мифологию как апологетического, так и «разоблачительного» характера. И не в том, что это было масштабное и героическое, хотя и неравное противостояние национальных сил России антигуманной и богоборческой власти. Подлинное его значение в том, что его идеи (или, как обобщенно говорят, «Белая идея») остаются актуальными в России и сейчас. Более того, они вновь стали актуальными тогда, когда более чем 70-летний коммунистический режим пал и Россия оказалась на распутье перед выбором нового пути развития. По ряду причин «Белая идея» тогда не победила, но и сегодня она остается одной из ведущих альтернатив для страны – разумеется, не в деталях, сильно изменившихся за сто лет, но в основном своем содержании, которое состоит в сочетании идей общечеловеческого прогресса и модернизации, с одной стороны, с учетом национальных традиций, особенностей и менталитета, с другой стороны.

Библиографический список

- Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. 382 с.
- Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.
- Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
- Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж: «Иллюстрированная Россия», 1937. 168 с.
- Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака // История белой Сибири. Материалы III международного науч. конференции. Кемерово, 1999. С. 39–43.

References

- Brusilov A.A. (1983) My memoirs. Moscow: Voenizdat. 256 p. (In Russ.)
- Volkov S.V. (1999) The tragedy of Russian officers. Moscow. 382 p. (In Russ.)
- Ganin A.V. (2019) Russian officer corps during the Civil War. Opposition of team personnel. 1917–1922. Moscow: Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)
- Gins G.K. (2008) Siberia, allies and Kolchak. Moscow: Airis-press. 672 p. (In Russ.)
- Golovin N.N. (1937) Russian counter-revolution in 1917–1918. Paris: "Illustrated Russia". 168 p. (In Russ.)
- Grekov N.V. (1999) Intelligence service in the Kolchak's Army. *Istoriya beloi Sibiri. Materialy III mezhdunar. nauch. Konferentsii = History of White Siberia. Proceedings of the III International Scientific Conference*. Kemerovo. P. 39–43. (In Russ.)

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1921–1926. Т. 1–5.

Деникин А.И. Поход на Москву. М.: Воениздат, 1989. 288 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 272 с.; Т. 2. 431 с.

Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. Сб. научных трудов / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

Симонов Д.Г. Российская (Русская) армия // Новая Сибирская энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 780–781.

Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922: Впечатления очевидцев. Париж: Ymca-press, 1985. 144 с.

Хандорин В.Г. История Белого движения в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019а. 176 с.

Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двухглавый орел»; Изд-во М.Б. Смолина (ФИВ), 2019b. 200 с.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2017. 624 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. Т. 1–2. М.: Посев, 2008–2009. Т. 1. 520 с.; Т. 2. 636 с.

Цветков В.Ж. Влияние Верховного правителя России адмирала Колчака на формирование аграрной политики деникинского правительства (лето–осень 1919 г.) // История белой Сибири: материалы II междунар. конференции. Кемерово, 1997. С. 144–148.

Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920-х гг.). М.: Наука, 2008. 344 с.

Сведения об авторе

Хандорин Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения; профессор кафедры истории России, Московский государственный институт культуры; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный

Denikin A.I. (1921–1926) Essays of the Russian troubles. Vol. 1–5. Berlin. (In Russ.)

Denikin A.I. (1989) The March to Moscow. Moscow: Voenizdat. 288 p. (In Russ.)

Kakurin N.E. (1990) How to fight the revolution. Vol. 1–2. Moscow: Politizdat. Vol. 1. 272 p.; vol. 2. 431 p. (In Russ.)

Kirmel' N.S., Khandorin V.G. (2015) Punishing sword of Admiral Kolchak. Moscow: Veche. 320 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2016). National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920). Moscow: Scientific and political book. 399 p. (In Russ.)

Simonov D.G. (2001) On the question of military construction in the rear districts of the Kolchak's Army. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii. Problemy istorii. Bakhrushinskiе chteniya 2001 g. Mezhevuz. Sb. nauchnykh trudov = Civil War in the East of Russia: Problems of history: Bakhrushin Readings 2001; inter-University Collection of scientific works.* Novosibirsk. P. 67–86. (In Russ.)

Simonov D.G. (2009) Russian (Russian) Army. New Siberian encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 2. P. 780–781. (In Russ.)

Filat'yev D.V. (1985) The Catastrophe of the White movement in Siberia, 1918–1922. Impressions of eyewitnesses. Paris: Ymca-press. 144 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2019a) History of the White movement in Russia. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 176 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2019b) Myths and facts about the Supreme ruler of Russia. Moscow: Dvukhglavyy orol; Izd-vo M.B. Smolina. 200 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2017) National idea and Admiral Kolchak. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniya i nauke. 624 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2008–2009) White business in Russia. Vol. 1–2. Moscow: Posev. Vol. 1. 520 p.; Vol. 2: 636 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (1997) Influence of the Supreme ruler of Russia Admiral Kolchak on the formation of the Denikin government's agrarian policy (summer – autumn 1919). *Istoriya beloi Sibiri. Materialy II mezhdunar. Konferentsii = History of White Siberia. Proceedings of the II International Conference.* Kemerovo. P. 144–148. (In Russ.)

Shatsillo M.K. (2008) Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration (1917 – early 1920s). Moscow: Nauka. 344 p. (In Russ.)

Information about the author

Vladimir G. Khandorin, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History and Historical Archives; Professor of the Department of Russian History, Moscow State Institute of Culture; Orthodox St. Tikhon University for the Humanities,

университет,
115172, Москва, Котельническая наб., 33, кор. 1, кв. 346,
Россия,
✉ e-mail: khandorin@mail.ru

346 flat, 1 corp., 33, Kotel'nicheskaya Embankment,
Moscow 115172, Russia,
✉ e-mail: khandorin@mail.ru

Заявленный вклад авторов

В.Г. Хандорин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 6 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки
25 ноября 2020 г.
Принята к публикации 7 декабря 2020 г.

Contribution of the authors

V.G. Khandorin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 6, 2020.
Received November 25, 2020.
Accepted December 7, 2020.